

Свѣтлячокъ

1902 г.

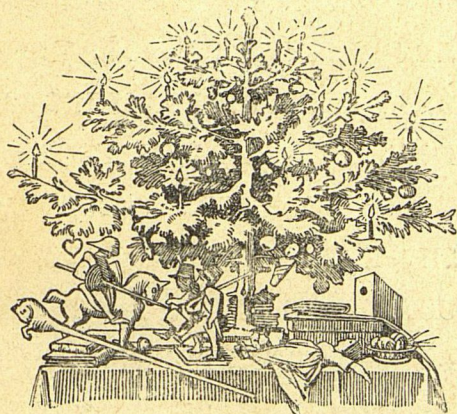

№ 24.

РОЖДЕСТВО ВЪ ЛѢСУ.

Государственная
Библиотека
СССР
Им. В. И. Ленина

I.

Тихо было въ занесенномъ глубокимъ снѣгомъ лѣсу, — тихо, какъ въ оставленной часовнѣ, — тихо и торжественно.

Высокія, темнозеленыя, хмурыя ели, словно окоченѣвъ, стояли, съ трудомъ повѣсивъ словно усталыя лапистыя вѣтви, покрытыя толстымъ слоемъ слежавшагося снѣга. Мѣстами между елями поднимались темные скелеты лиственныхъ деревьевъ съ ихъ обнаженными, кривыми сучьями.

Маленькія елочки, заваленныя снѣгомъ, какъ одѣяломъ, еле выставляли свои любопытныя стрѣлки изъ-подъ снѣжныхъ сутрбовъ.

— «Хорошо! тишь-то какая,—думалъ весь бѣлый заяцъ, неторопливо ковыляя между елями,—кабы всегда такъ!.. А то — дрожишь, дрожишь лѣтомъ-то, отъ всякаго шума, отъ всякаго шороха. А тутъ—тишь...

И не договорилъ...

Звонкій, отчетливый скрипъ раздался близко гдѣ-то...

«Человѣкъ!» — подумалъ заяцъ и весь собрался въ комочекъ, глаза закрылъ и уши вдоль спинки вытянулъ. Теперь его никакъ уже нельзя было отличить отъ снѣжнаго комочка,—такъ его бѣлая шубка цвѣтомъ подходила къ снѣгу. Даже ели, казалось, недоумѣвали: «куда-де зайка косою дѣвался?—то тутъ промежду насъ ходилъ да геройствовалъ, а тутъ точно сквозь землю провалился... И хитеръ же, косоглазый»...

А это шелъ лѣсомъ сторожъ Анкундинъ. Шелъ трубку покуривалъ да по сторонамъ поглядывалъ.

Шелъ мимо молодыхъ елокъ, остановился; подошелъ къ небольшой, кудрявой елочкѣ, отопталъ снѣгъ вокругъ нея, вынулъ топоръ изъ-за кушака, нагнулъ гибкую елку и въ два удара снялъ ее съ корня.

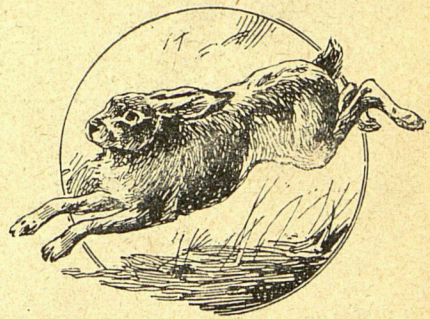

«Вотъ-то озорникъ! — въ ужасѣ подумалъ заяцъ, однимъ глазкомъ выглянувъ на лѣсника, — убьетъ онъ меня!..» — и еще больше сжался заяцъ, весь въ снѣгъ ушель, лежитъ и не дышетъ.

А Анкундинъ встряхнулъ елку, взвалилъ ее себѣ на плечи и пошелъ дальше... Шаги затихали за нимъ; вонъ ужъ чуть-чуть слышно... Вонъ затихли совсѣмъ...

— «Ну то-то! — подумалъ заяцъ, вылѣзая изъ сугроба и потѣшно отряхивая снѣгъ и облизывая себя, — слава Богу, пронесло грозу».

Почесалъ задней лапкой за ухомъ и заковылялъ поглубже въ лѣсъ по своимъ дѣламъ; — шелъ косою и все башкой поматывалъ, все раздумывалъ, зачѣмъ это сторожу елку губить понадобилось?..

II.

Побывалъ Анкундинъ въ городѣ, снесъ елку господамъ своимъ, получилъ на праздникъ рублевую бумажку, закупилъ чаю, сахару, пряниковъ, изюму, сѣмени коноплянаго, овса.

Идетъ домой бодро, весело, идетъ, усмѣхается въ бороду, трубку раскуриваетъ, и хорошо у него на душѣ.

Только подходитъ къ своей сторожкѣ сталъ, остановился на опушкѣ, сложилъ свои закупки на снѣгъ и досталъ изъ-за пояса топоръ. Выбралъ елку, срубилъ ее, на-четверо изрубилъ; вбилъ четыре кола въ снѣгъ, сверху шалашемъ вѣтви навалилъ, словно маленькую ригу устроилъ; подъ крышкой утопталъ снѣгъ плотно-плотно и разсыпалъ по снѣгу все сѣмя и овесъ. Отошелъ, поглядѣлъ на свою работу и усмѣхнулся.—«Любо дѣло!»—подумалъ онъ, поднялъ покупки и пошелъ въ свою сторожку.

III.

Назябся Анкундинъ, а въ сторожкѣ у него—тепло, уютно, хорошо...

Вошелъ онъ и окликнулъ:

— Евгеша!..

— А-я!—откликнулся дѣтскій голосокъ съ печки.

— И гдѣ ты?

Кубаремъ скатилась съ печки маленькая

дѣвчурка, и бойко затопали ея босыя ножки по глиняному полу.

— Вотъ тебѣ гостинцы на Рождество. На, хозяйничай!.. А я сейчасъ самоваръ поставлю, напою тебя чаемъ, сударушка...

Евгеша вся замерла отъ восторга, стоитъ надъ гостинцами, — такъ глазами въ нихъ и впилась, а тронуть ихъ словно боится: нѣ какъ они сквозь землю провалятся.

— Чего ты? — усмѣхнулся Анкундинъ.

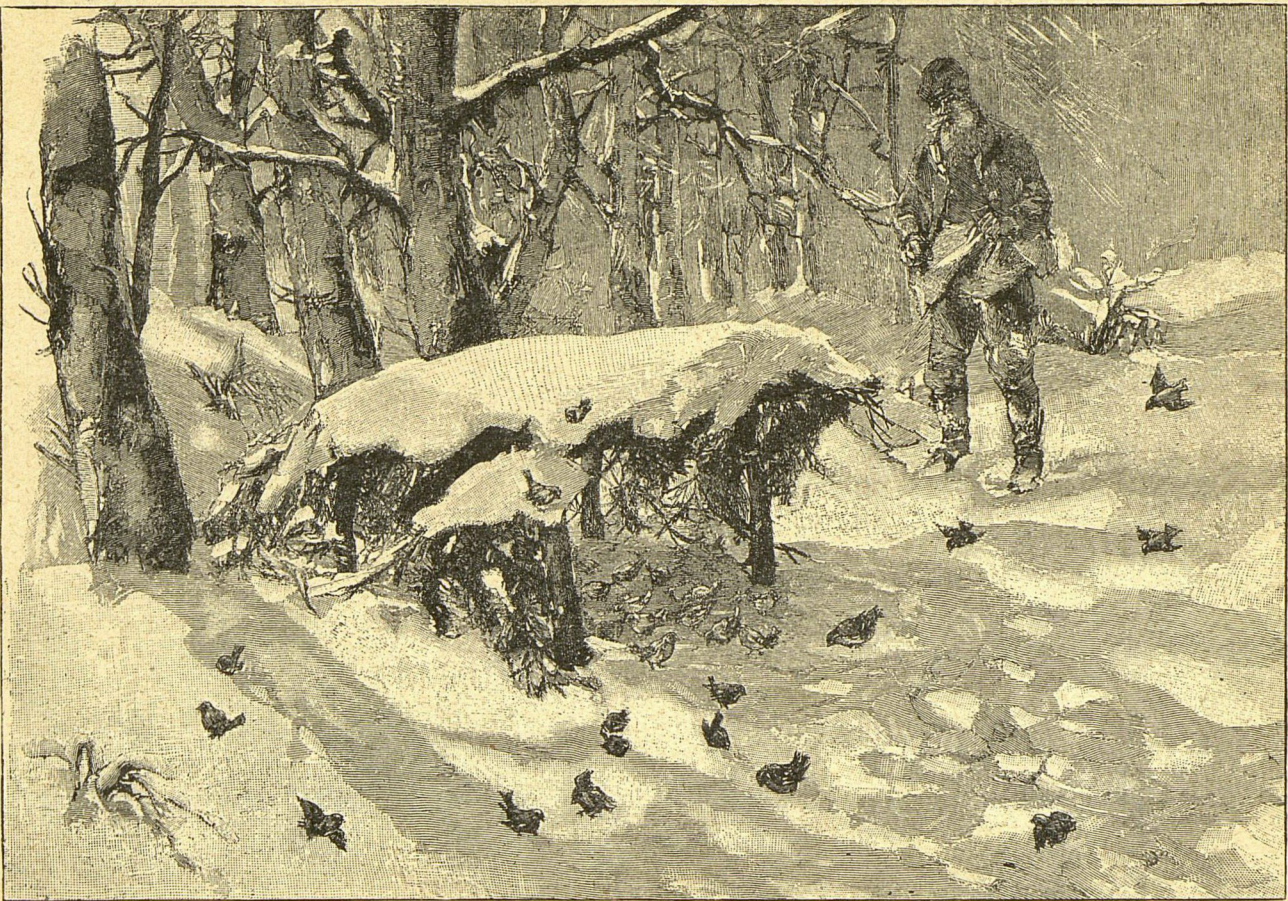
— Вкусно!.. — въ восторгѣ пролепетала дѣвочка, и вся такъ и зардѣлась отъ радости, такъ и сверкнула счастливыми глазенками.

IV.

А на опушкѣ лѣса былъ невообразимый переполохъ. Снѣгири, зяблики, воробушки — всѣ нахохлившіеся, взъерошенные, — кружились надъ Анкундиновымъ шалашемъ и толковали о немъ всякъ по своему.

Припелся и заяцъ на чудо поглядѣть, и только за ухомъ почесаль.

— Непремѣнно западню чловѣкъ устроилъ! — рѣшилъ онъ, — безъ этого не бываетъ дѣло у людей.

— Западня и есть! — чирикали и воробушки.

— А все-таки интересно!.. — Посмотрите, — тамъ зеренъ — не сочтешь!.. — замѣчали снѣгири.

— Н-дась, овесъ — первый сортъ! — облизнулся заяцъ, — а я его такъ люблю сосать!.. Удивительно вкусно!..

— А попробуйте сунуть туда носъ, господинъ заяцъ!.. — крикнула синичка.

— Благодарю васъ покорно!.. Меня тамъ сейчасъ же и прихлопнетъ!..

— Ахъ, какой вы трусь!.. — зашумѣли воробьи.

— Не трусь, а вообще!.. — оправдывался заяцъ, а самъ все подползаль да подползаль къ домику...

Потомъ вдругъ осмѣлѣлъ сразу: залѣзъ подъ крышку и нѣ подбираетъ зерна.

Тутъ ужъ всѣ птички поняли, какой онѣ промахъ сдѣлали, что пустили зайца впередъ. Всѣ кинулись стаей подъ крышку, напугали косога такъ, что онѣ стрѣлой вылетѣлъ оттуда. А вся пернатая компанія, торопясь, ссорясь, чирикавая, принялась за ѣду...

Вотъ-то раздолье!.. Вотъ прелесть-то!..

V.

Сумерки падали; повалилъ хлопьями снѣгъ, а птицамъ—и горя мало подъ крышей. Пиръ у нихъ идетъ горой.

Вышелъ Анкундинъ, поглядѣлъ издалека на нихъ, и озарилось лицо его радостной улыбкой...

— Ахъ, гости дорогіе! Ахъ, милые!.. То-то проголодались, сердешные... Ну, ну!.. Батюшки!.. да и заяцъ сюда припожаловалъ. И храбрюга же, косою!.. Только, братъ, смотри, — птичья армія тебѣ спуску не дастъ, будь спокоенъ!..

Выбѣжала Евгеша на дворъ и руками, отъ радости всплеснула.

— Ахъ, хорошо, батя!..

— Хорошо, ясная; хорошо, родимая... То есть вотъ какъ Рождество Христово справимъ,—на славу!..

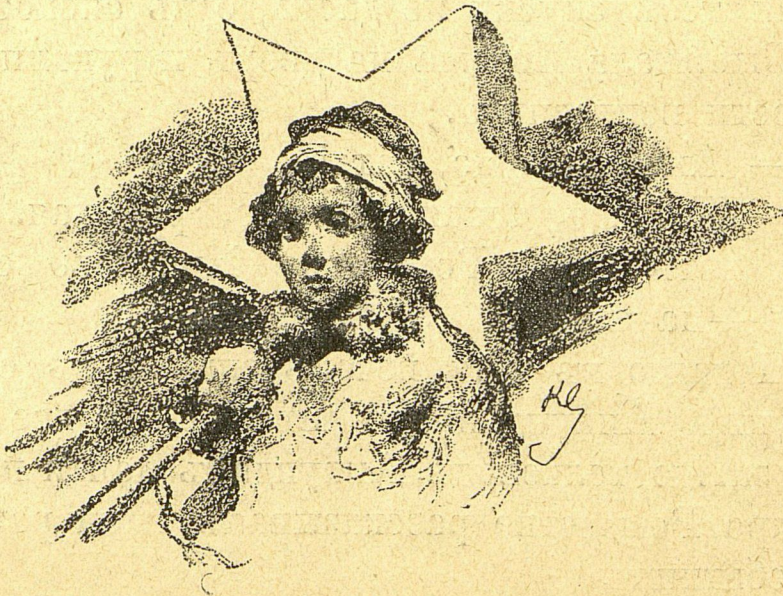
И долго въ тотъ вечеръ сидѣли въ своей избушкѣ Анкундинъ съ Евгешой и все про эту затѣю толковалъ. Анкундинъ лапти плелъ да про Рождество рассказывалъ бѣли разныя и небылицы.

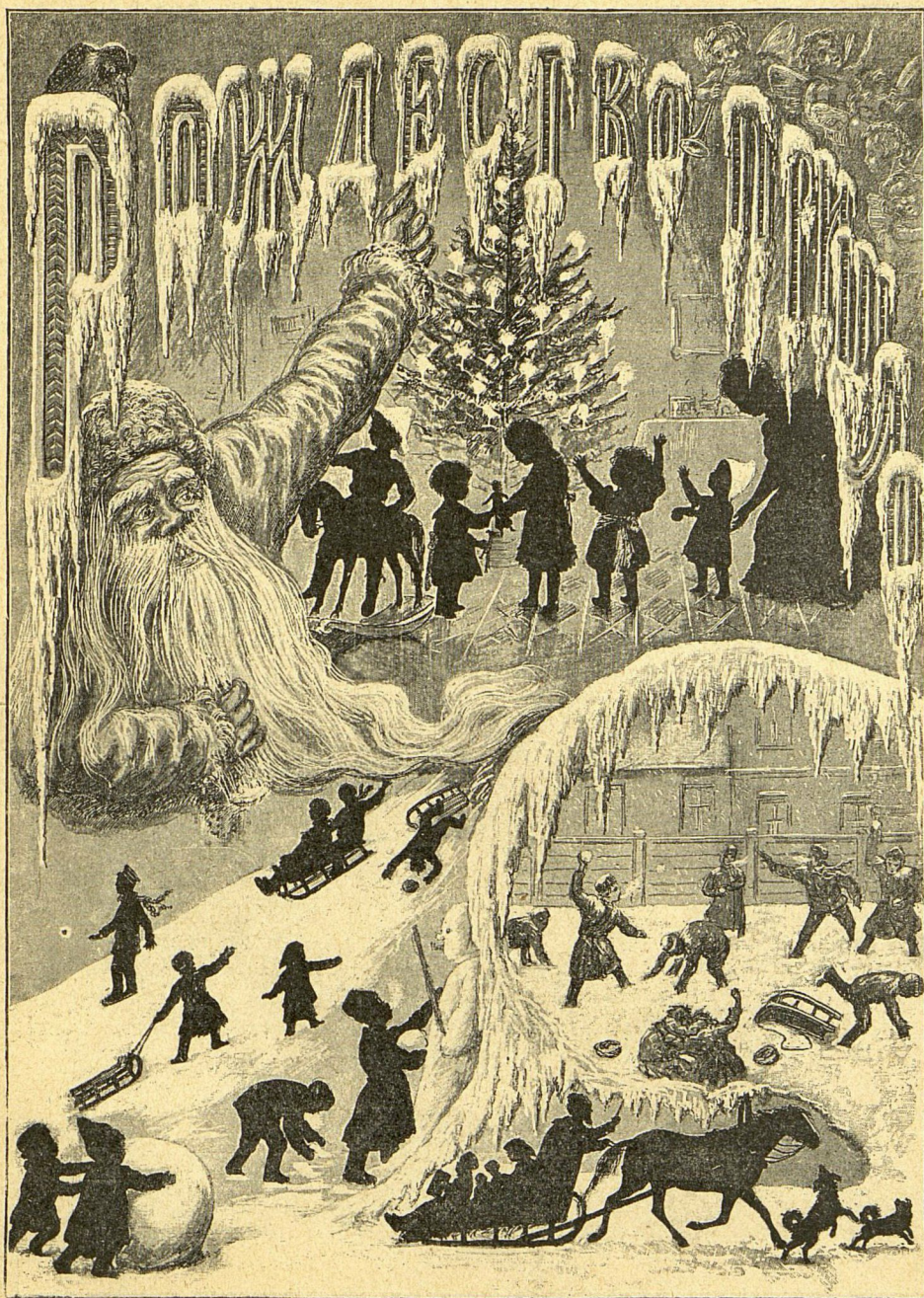
Долго плуталъ около избушки той ночью и заяка и все на огонекъ поглядывалъ.

А потомъ забрался подъ крышку, подобралъ оставшійся овесъ, почмокалъ его, прижался въ уголь, пригрѣлся и сталъ дремать. А въ дремотѣ все мечталъ:—«ахъ, кабы вѣкъ такъ жить,—тихо да спокойно,—куда бы хорошо было,—особенно намъ, зайцамъ пугливымъ!..»

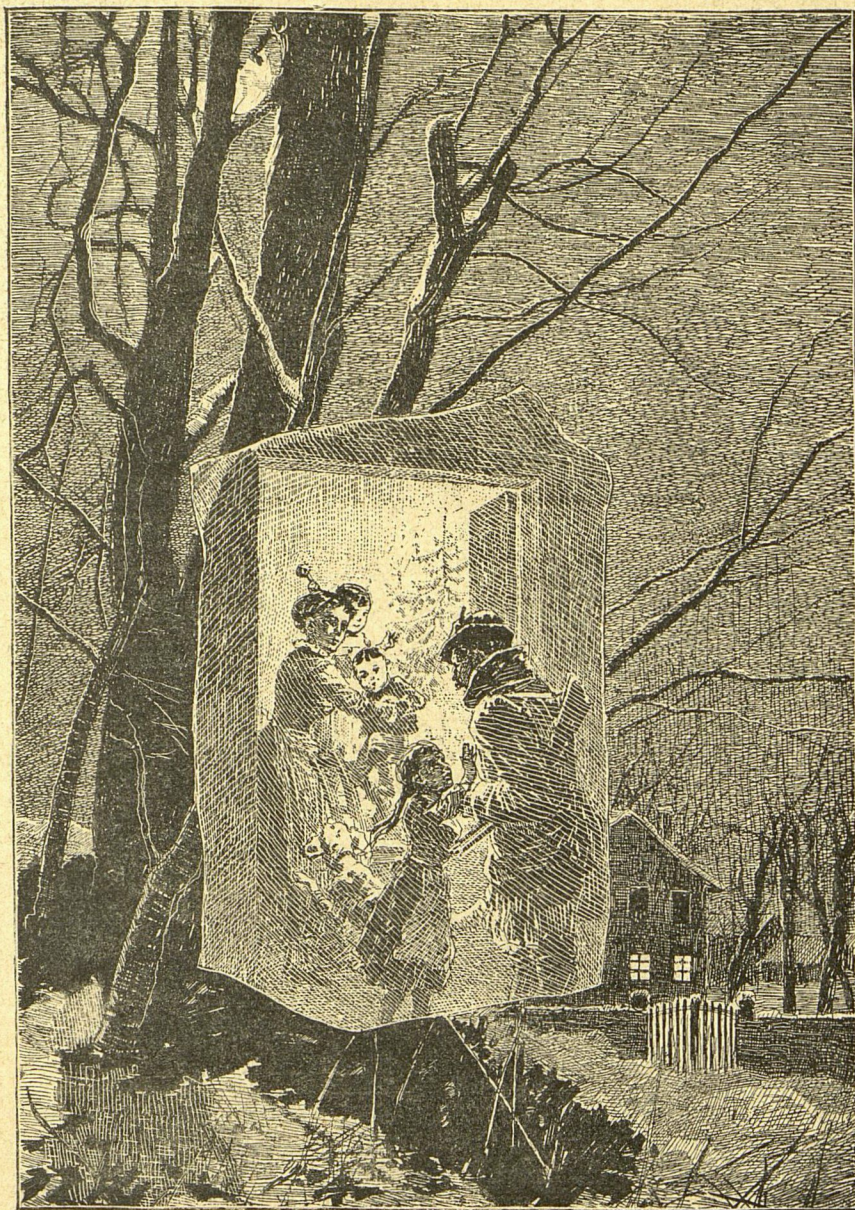
И не замѣтилъ косою, какъ заснулъ мертвецкимъ сномъ вплоть до самаго Рождественскаго утра, забывши свои заячьи страхи и огорченія.

А. Седоровъ-Давыдовъ.

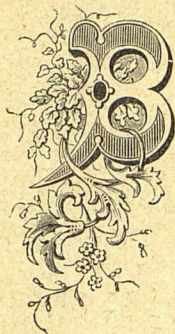

„Рождество пришло!“ Ориг. рис. А. Кучеренко.

Въ сочельникъ.

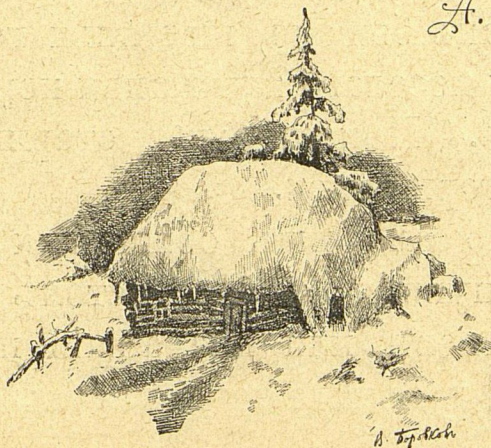

Въ метель по лѣсу шелъ лѣсникъ,
Къ себѣ въ сторожку поспѣшая,
Гдѣ съ нетерпѣньемъ, каждый мигъ
Ждала его семья родная.

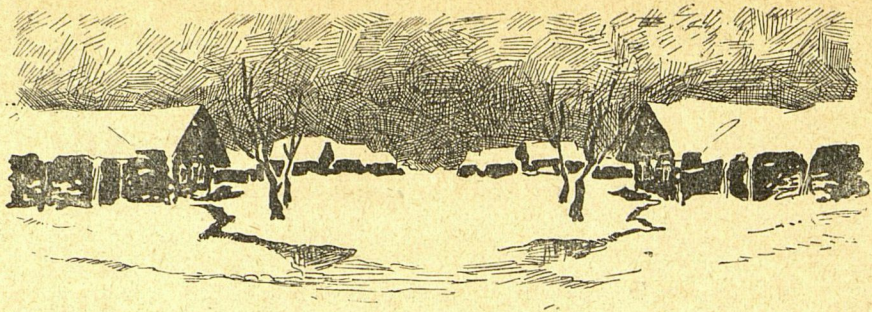
Тамъ такъ тепло... Огни горять,
Тамъ елка—дѣтская утѣха!..
И стѣны домика дрожать
Отъ крика громкаго и смѣха...

И бодро онъ скорѣй идетъ,
И трудъ тяжелый, рядъ заботъ
Въ родной семьѣ онъ позабудетъ,
И, видя радостныхъ дѣтей,
Глаза ихъ—солнышка яснѣй,—
Онъ счастьемъ ихъ самъ счастливъ будетъ!..

А. Доровъ.

А. Доровъ

Чудная снѣжинка.

Посмертная сказка

Н. А. Соловьева-Несмѣдова.

Жоеть и жалобно стонетъ осенній вѣтеръ. Угрюмо смотритъ почернѣвшій лѣсъ; потерялъ онъ свою роскошную зелень и, какъ бѣднякъ или нищій, покинуть всѣми: не слышно въ немъ, какъ бывало, ни цѣнья голосистыхъ птичекъ, ни веселаго жужжанья неугомонныхъ насѣкомыхъ. Присмирѣлъ старина, призамолкъ, пригорюнился.

Печально смотрятъ обширныя поля, такъ недавно тонувшія въ золотистомъ морѣ полныхъ колосьевъ, или дремавшія подъ мягкой изумрудной травой, а теперь, увы,—они голы, обнажены!..

Зябнуть малютки-зернышки, лежа въ холодной, ничѣмъ неприкрытой землѣ, дрожать беззащитныя бѣдняжки. Холодно, холодно сиротинкамъ!.. Съ болью сжимаются отъ суровой стужи; со страхомъ прислушиваются малютки къ унылому завыванью вѣтра и боязливо жмутся другъ къ другу, стараясь хоть сколько-нибудь согрѣться...

Но напрасны эти усилія малютокъ-зернышекъ,—не согрѣться имъ... И они въ отчаянны начинають уже приготовляться къ смерти.

— Видно, смерть приходитъ, братцы,—вонъ она ползеть, тихо подкрадывается холодомъ по землѣ, все ближе, ближе къ намъ!..—шепчуть зернышки другъ другу; — зачѣмъ-же усталый пахарь бросалъ насъ и сѣялъ въ рыхлую землю полными горстями?.. Неужели затѣмъ онъ бросалъ насъ и сѣялъ, чтобы мы умерли медленной, мучительной смертью, умерли бесполезно?.. Не откуда ждать намъ спасенья; некому сжалиться надъ нами!..—шепчуть потерявшія всякую надежду малютки зернышки, покорно приготовляясь къ неизбежной смерти.

Небо покрылось сплошными облаками; какъ громадныя горы, нависли они надъ застывшимъ

полемъ. Громче, пронзительнѣе засвисталъ порывистый вѣтеръ, и малюткамъ-зернышкамъ казалось, что смерть вотъ-вотъ приближается, вотъ уже сжимаетъ ихъ въ своихъ объятіяхъ...

Но вдругъ что-то бѣлое, яркое, ослѣпительно бѣлое замелькало, замелькало тамъ, высоко въ воздухѣ, закружилось и стало спускаться на землю. Это что-то было въ звѣздистомъ прозрачномъ плащѣ, который оно опускало волнами, чѣмъ ближе сходило книзу, потрясая мягкими, блестящими кудрями; искрящіеся глазки его горѣли, какъ сотни алмазовъ. Это прелестное что-то тихо опускалось на продрогшее поле, нѣжно наклоняясь надъ застывшими малютками-зернышками, — теплота разлилась по сердцу земли.

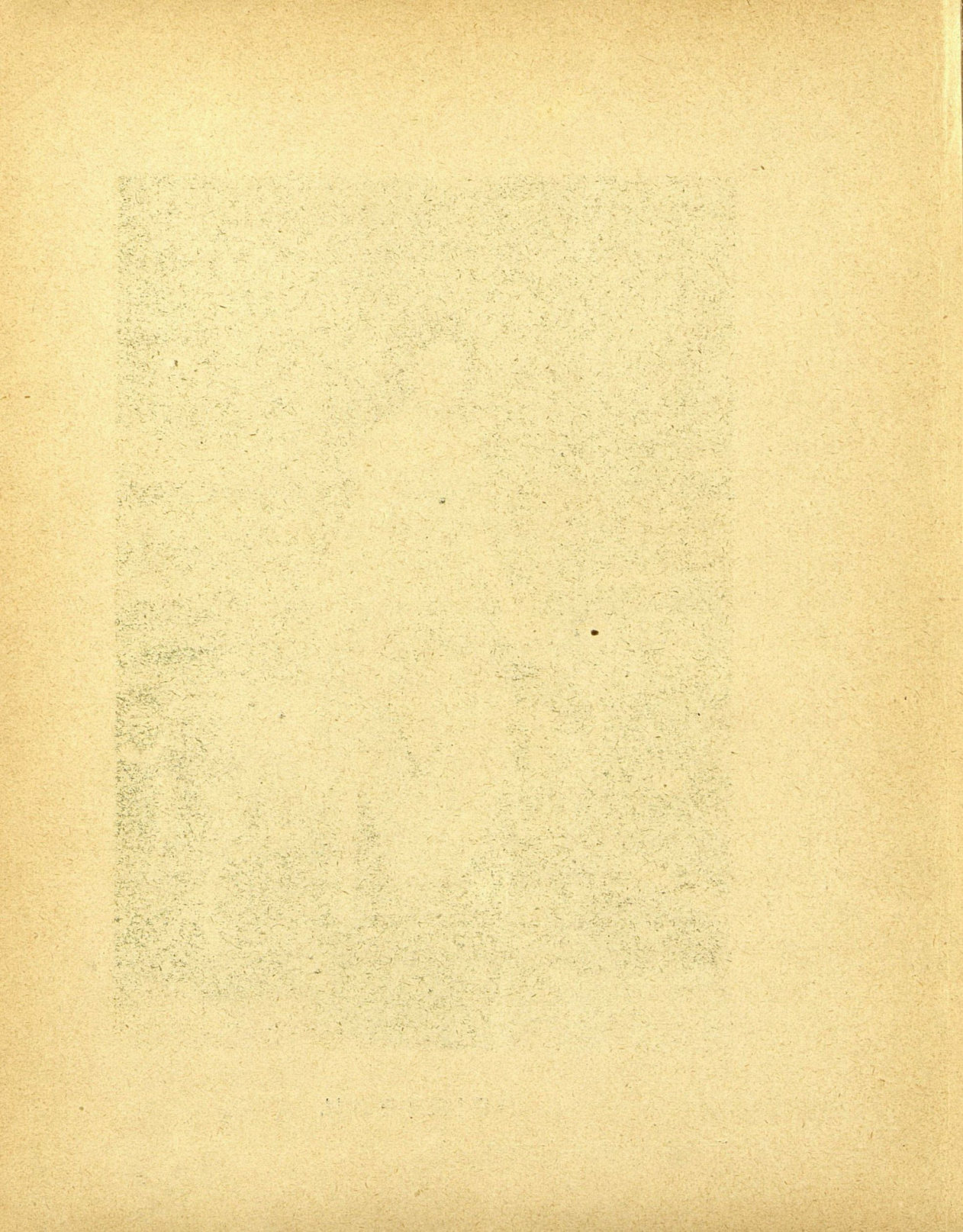
И посыпались бѣлыя крупинки съ прозрачныхъ кудрей чудаго видѣнія, — и пошло оно гулять по полю, разстилая густымъ слоемъ свой мягкій, нѣжный, бѣлый плащъ. Тепло стало малюткамъ-зернышкамъ подъ бѣлымъ, плотнымъ покровомъ.

Согрѣлись бѣдняжки-сиротинки, оправились и почувствовали, что имъ дремлетъ, что имъ хочется спать, какъ хочется спать утомленному ребенку, когда онъ уже улегся и со-

ПРІЯТЕЛИ.

Къ № 24 журнала „Свѣтлячокъ“, 1902 г.

всѣмъ вытянулся на своей постелькѣ подь мягкимъ одѣяльцемъ.

Задремали, заснули малютки-зернышки и видять себя во снѣ въ прекрасномъ, зеленомъ платьѣ. И все заснуло тогда; заснули горы, поля и лѣса, заснулъ нахолодавшій воздухъ, заснули рѣки подь ледяной корою, лишь чуть-чуть журча, о чемъ-то бредять онѣ сквозь сонъ,—заснула вся земля...

А въ этомъ заколдованномъ сонномъ царствѣ зимы чѹдное видѣнье все еще неустанно ходить по бѣлому уже полю, разстилаетъ свой неизмѣримый плащъ и, потрясая кудрями, щедро разсыпаетъ мелкія алмазныя крупинки,— и земля все болѣе и болѣе согрѣвается отъ этого шествія и больше дремлетъ, дремлетъ.

Блестящими звѣздочками носятся въ воздухѣ кусочки этого плаща, одна за одной порхаютъ и другъ за другомъ ложатся онѣ, прижимаясь плотнѣе; а бѣлое, прозрачное видѣнье, плавая въ пространствѣ, поетъ ласковымъ голоскомъ надъ заснувшими малютками-зернышками свою нѣжную колыбельную пѣсенку:

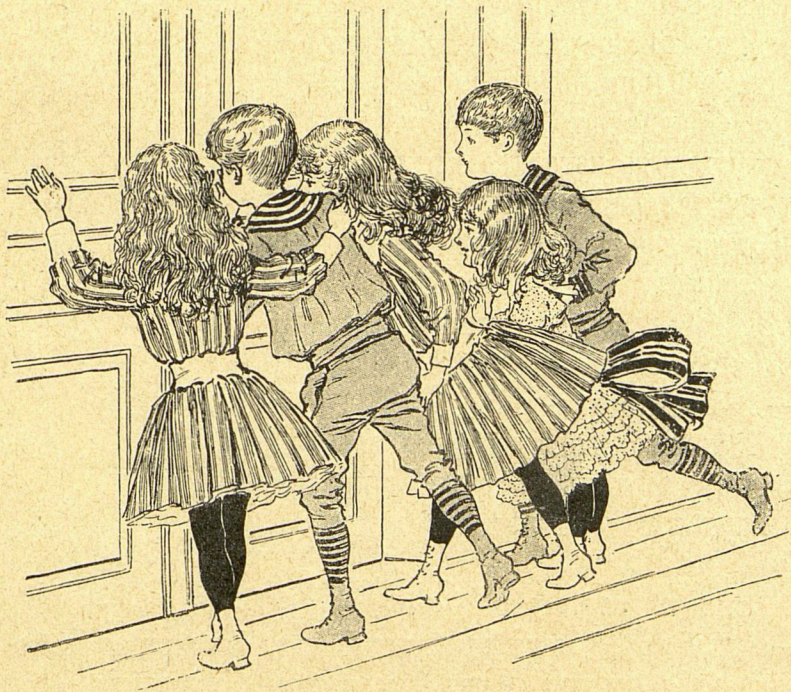
— «Баю-баюшки, баю! Сладко спите, почивайте, крошки милыя мои! Горя-холода не

знайте... И добромъ вы вспоминайте внучку дѣдушки-мороза, бабушки-зимы... Баю-баю, баюшки-баю! Спите, почивайте, крошки малыя мои! Я укрою, я согрѣю, крѣпко усыплю, рой видѣній вамъ пошлю! Спите, силъ вы набирайтесь!.. Баю-баю, баюшки-баю!.. И пахарь усталый не даромъ пахаль и въ рыхлую землю васъ сѣяль, — онъ ждетъ васъ въ зеленой одеждѣ съ обильнымъ зерномъ... У матери-природы не пропадаетъ напрасно ничто: ни капля дождевая, ни былинка полевая... Баю-баю, баюшки-баю! Спите сладко, терпѣливо! Вотъ весна придетъ — царица въ теплыхъ солнечныхъ лучахъ, и разбудитъ малыхъ крошекъ, позоветъ на свѣтъ, на волю... И тогда то вы проснетесь, улыбнетесь зеленью прекрасной... А пока вы спите, крѣпко почивайте, крошки милыя мои. Баю-баю, баюшки-баю!..»

И зернышки-малютки, согрѣвшись, крѣпко спятъ подъ пѣсни царицы снѣговъ, рассыпающей направо и налево свои пухлыя снѣжинки; она сторожитъ ихъ во всѣ зимніе морозы, закрывая все больше и больше своимъ богатымъ снѣговымъ плащомъ; что ни день, она спускается съ звѣзднаго трона и то тихо, неспѣшно обходитъ снѣговыя владѣнья свои,

то непроглядной мятелью несется въ ледяной колесницѣ на бурныхъ, безпокойныхъ вѣтрахъ,—то кони лихіе могучей царицы полночнаго царства, отъ храпа ихъ стонуть въ просоньѣ дубы вѣковые, звѣри уходятъ въ берлоги и человѣкъ находитъ спасенье лишь у печи, камина своихъ каменныхъ или деревянныхъ жилищъ... Однимъ зернышкамъ-малюткамъ тепло и сладко дремлетъ отъ этихъ прогулокъ всеильной царицы.

И. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

„Елка! Елка! Смотрите!!!“

Государственное
Вѣдѣніе

Нашъ домашній маскарадъ.

ДЛЯ ЗАНЯТІЙ.

Какъ-то разъ, незадолго до Рождества, папа Вити, Кости, Володи и Пети сидѣлъ съ бабушкой въ своемъ кабинетѣ.

— А гдѣ же дѣти?—спросилъ папа;—ихъ что-то не слышно.

— Они у себя наверху съ мамой; готовятся, должно быть, къ предстоящимъ праздникамъ,—отвѣтила бабушка.

Въ это время раздался легкій стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?—спросилъ папа.

Вмѣсто отвѣта дверь широко распахнулась, и на порогѣ показалась какая-то фигура въ пальто и цилиндрѣ, изъ-подъ котораго выглядывала уморительная маска.

— Здѣсь живетъ господинъ Петровъ?—спросилъ глухой голосъ.

— Здѣсь!—улыбнулся папа, сразу узнавъ голосъ своего старшаго сына, Вити.— Вамъ что угодно?

— Я только что вернулся изъ путешествія и очень хотѣлъ бы показать вамъ вновь открытыхъ мною звѣрей.

— Войдите пожалуйста, я очень радъ,—отвѣчалъ, все еще улыбаясь, папа. Улыбалась и бабушка.

Низенькая фигура вошла въ комнату и вдругъ сразу вытянулась почти до потолка.

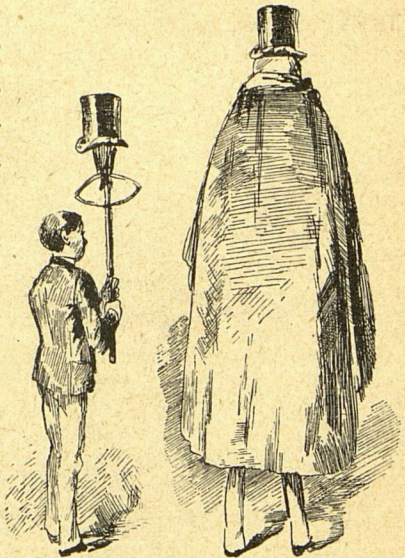

Рис. 1. Великанъ.

— Господа звѣри, входите! — крикнулъ глухо Витя.

Въ комнату вошла огромная птица.

— Ва! да у нея красный носъ, — сказалъ папа, — это должно быть Турухтанъ?

— Нѣтъ, я Кулерулеруль! — отвѣчала птица.

— Ага! — это новинка! — раземѣялся папа и потрясъ птицу за хвостъ, отчего та захихикала.

А великанъ отъ радости вдругъ уменьшился, а потомъ снова вытянулся во всю длину.

За птицей въ комнату ввалилось что-то четвероногое, мохнатое, съ большою клюкой.

— Это что такое? сказалъ, вглядываясь, папа. — Если ты можешь лаять, такъ ты собака.

— Вау, вау! раздалось ему въ отвѣтъ.

За дверью раздался тяжелый топотъ и въ комнату вошелъ двухгорбый верблюдъ.

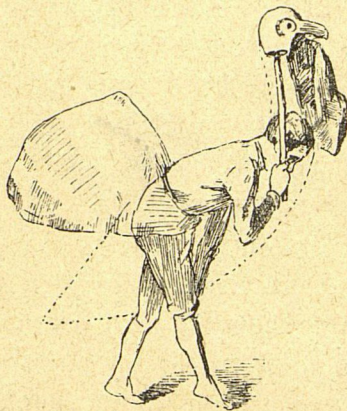
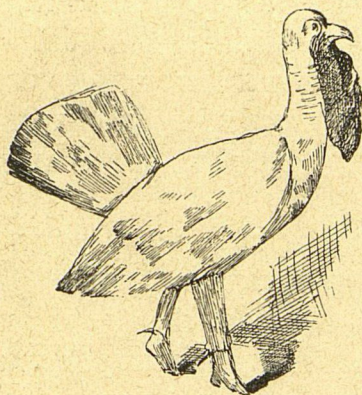

Рис. 2 и 3. Птица Кулерулеруль.

— Здравствуйте, — встрѣтилъ его папа, — очень приятно познакомиться. Дѣйствительно, вы рѣдкій экземпляръ, я и не дозрѣвалъ, что такіе существуютъ. А тамъ еще кто?..

Огромная змѣя, шиша, перевалилась черезъ порогъ и подкатилась прямо къ ногамъ бабушки такъ неожиданно, что та поспѣшно отодвинула кресло.

— Батюшки, да это удавь! Это положительно рѣдкость, я такого толстаго никогда и не видываль,—удивился папа.—Благодарю васъ, господинъ великанъ; вы мнѣ доставили большое удовольствіе.

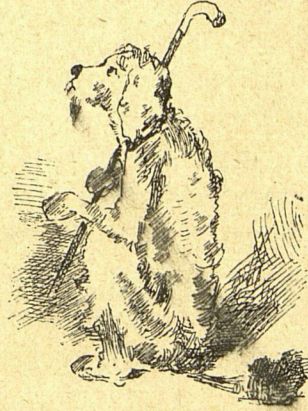
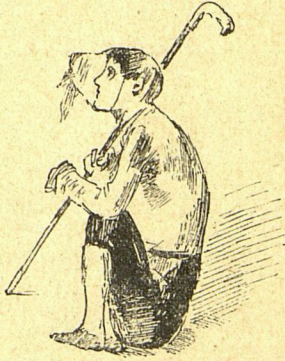

Рис. 4 и 5. Собака.

Великанъ съ хохотомъ съежился, потомъ выпрямился опять и пустился въ плясъ. Его примѣру послѣдовали собака и змѣя; но когда пошелъ отплясывать трешака верблюдъ—это была такая потѣха, что папа и бабушка такъ и покатывались со смѣха.

Наконецъ дѣти стащили съ себя свои немудрые костюмы и бросились обнимать отца и бабушку. Какъ же устроили дѣти этотъ маскарадъ?

Это надо узнать, можетъ быть и мы съ вами устроимъ его.

Великанъ.—Витя взялъ метелку, прикрѣпилъ къ ея прутьямъ маску и подвѣсилъ къ ней продолговатый обручъ, который долженъ былъ замѣнить плечи. Затѣмъ онъ покрылъ маску толстымъ шарфомъ и надѣлъ на нее старый отцовскій цилиндръ. Въмѣсто платья употребилъ плѣдъ; его связали у горла шнуркомъ, а низъ распустили во всю ширину. Великанъ могъ удлиняться и укорачиваться, то опускаая, то поднимая метелку.

Птица.—Костя, снявъ башмаки, обмоталъ ноги краснымъ кумачемъ и привязалъ себѣ на спину подушку, какъ показано на рисункѣ. Голову онъ сдѣлалъ изъ картона, рас-

красиль ее насколько могъ пестрѣе и прикрѣпилъ къ ней

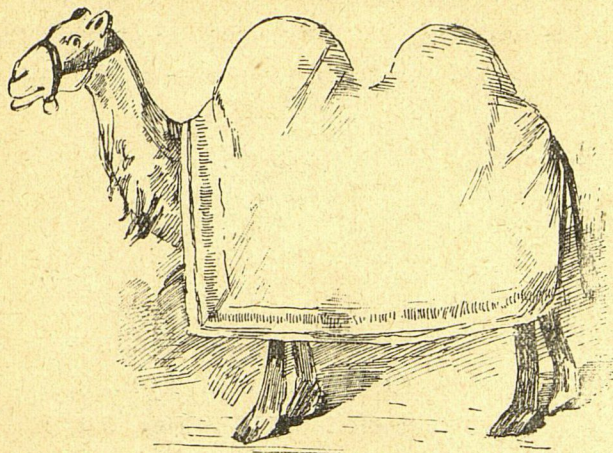

Рис. 6. Верблюдъ.

подъ клювомъ красный платокъ. Надѣвъ голову на палку, онъ нѣсколько согнулся, а мама прикрыла его всего, отъ самой головы, бабушкинымъ сѣрымъ платкомъ, который въ нѣсколькихъ мѣстахъ подколола англійскими булавками. Въмѣсто крыльевъ она сдѣлала изъ платка складки,

прикрѣпивъ ихъ къ изображавшей хвостъ подушкѣ.

Верблюдъ. — Володя и Петя голову верблюда сдѣлали изъ темной оберточной бумаги и картона; они немного ее подкрасили и нарисовали красные глаза. Прикрѣпили къ палкѣ небольшой кругъ, чтобы придать ей форму шеи и надѣли на нее голову. Подложивъ внизъ старую куртку, они обмотали шею ко-

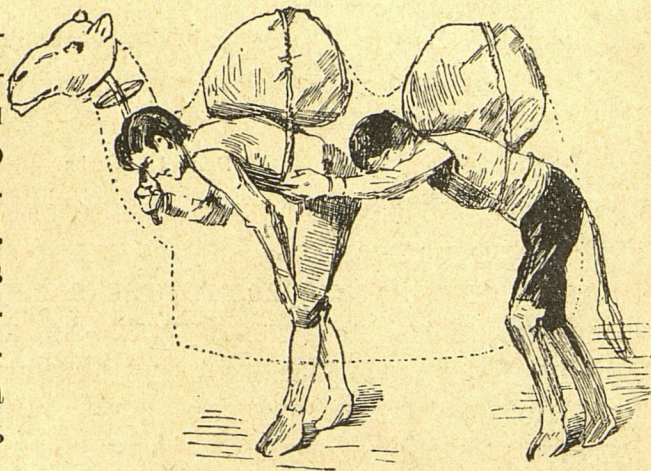

Рис. 7. Верблюдъ.

ричневой матеріей; такой же матеріей они обвязали себѣ и ноги. На спины привязали по подушкѣ, а Петя прицѣпилъ себѣ къ поясу изъ оберточной бумаги хвостъ. Затѣмъ онъ ухватился за Володю, и они нагнулись, какъ на рисункѣ. Мама прикрыла ихъ сверху скатертью.

Собака.—Товарищъ по гимназiи Вити надѣлъ на себя вывороченный тулупчикъ. Самъ склеилъ изъ тонкаго картона

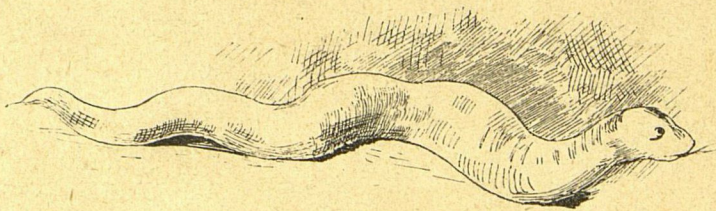

Рис. 9. Змѣя.

собачью голову, разрисовалъ ее и подклеилъ къ ней сдѣланные изъ расученной веревки усы. Въмѣсто ушей онъ пришилилъ свои вывернутыя мѣхомъ кверху теплыя рукавицы. На ноги надѣлъ шерстяные чулки и, сѣвъ на корточки, изобразилъ собаку, сидящую на заднихъ лапахъ, какъ это изображено на рисункѣ.

Рис. 10. Змѣя.

Змѣя.—Вася и Гриша, дѣти сосѣда, сшили себѣ шкуру изъ трехъ холщевыхъ мѣшковъ; для головы взяли верхнюю часть бумаги съ сахарной головы, нарисовали на ней глаза и прикрѣпили къ ней изъ бумаги же жало. Схвативъ за ноги Гришу, Вася изображалъ змѣиный хвостъ, причемъ старался, какъ можно больше, извиваться. Въ мѣшкѣ снизу было сдѣлано отверстiе, чтобы свободно дышать.

Эта проба маскарада удалась, какъ нельзя лучше, и теперь дѣти съ особеннымъ нетерпѣнiемъ стали ожидать Рождества, чтобы показать свой звѣринецъ гостямъ на елкѣ.

М. Л.

Дозволено цензурою. Москва, 4 декабря 1902 года.

Тип.-Лит. Русск. Тов. Печати.-Изд. дѣла, Москва.